

©1993 г.

Н.И. ЛАПИН

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И РЕФОРМЫ В КРИЗИСНОЙ РОССИИ*

ЛАПИН Николай Иванович — член-корреспондент, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент Российского общества социологов. Наш постоянный автор.

100 лет назад вышло в свет основополагающее произведение Эмиля Дюркгейма «О разделении общественного труда». Оно завершается выводом — в известном смысле социологическим уроком, адресованным автором своим современникам во Франции и других странах Западной Европы. Приведем первую, «констатирующую» его часть: «За небольшой промежуток времени в структуре наших обществ произошли глубокие изменения; они освободились от сегментарного типа со скоростью и в масштабах, подобных которым нельзя найти в истории... Наша вера поколеблена; традиция потеряла свою власть; индивидуальное суждение освободилось от коллективного. Но, с другой стороны, у функций, разъединившихся в ходе переворота, еще не было времени

* Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика ценностей населения реформируемой России» (код 93-06-10073), осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

для взаимного приспособления, новая жизнь, как бы вырвавшаяся наружу, еще не смогла полностью организовать, причем организовать прежде всего так, чтобы удовлетворить потребность в справедливости, овладевшую нашими сердцами» [1].

Нетрудно заметить, что данная констатация сегодня весьма свежо звучит и для нас. Если не указать источник и ретушировать индикативные слова «сегментарный тип», характеризующие социальную структуру прошлого, то можно подумать, что сказано это «здесь и теперь» — в России начала 90-х годов XX в. Значит, история все же в чем-то повторяется. А имея в виду качество жизни в Западной Европе ныне, столетие спустя после печального признания Дюркгеймом нравственного и в целом социального кризиса, можно надеяться: будет все-таки свет в конце туннеля!

В историческом плане эту надежду еще более укрепляют изыскания нашего соотечественника «евразийца» Л.Н. Гумилева, исследовавшего мировые этногенетические тенденции. Обоснованная им концепция происхождения народов, воссозданная общая картина динамики динамичного напряжения суперэтнической системы на протяжении 1200—1500 лет, которой неплохо соответствуют ступени этногенеза «славяне — Древняя Русь» (I—XV вв.) и «Московская Русь — Россия» (с XIII в. до настоящих дней), позволили ему прийти к заключению: на пороге XXI в. российский суперэтнос переходит из «фазы надлома» в «инерционную фазу», что обещает нам «300 лет золотой осени, эпохи собирания плодов, когда этнос создает неповторимую культуру, остающуюся грядущим поколениям!» [2].

Однако запасемся терпением и обратимся к нынешним, увы, далеко не оптимистическим реалиям.

Кризисно-реформируемое общество

Современная Россия движется в фарватере проблем, унаследованных от СССР, но появилось и немало новых, которые, тесно переплетаясь со старыми, усугубляют ситуацию.

В самом общем виде кризис есть нарушение равновесия системы и в то же время переход к новому ее равновесию [3]. Это острая форма движения — через дезинтеграцию и конфликт — к иному состоянию общества. Различают частичные и общие кризисы; наиболее универсальным является социокультурный, объемлющий как совокупность социальных (в широком смысле — общественных) отношений, так и культуру, т.е. способы человеческой деятельности, а также затрагивающий этнические процессы.

Именно такой кризис возник в Союзе ССР на основе тоталитарного отчуждения масс от власти, самоорганизации и результатов труда, от исторического самосознания и личной безопасности, отчуждения производства от потребностей населения [4]. Во второй половине 80-х годов он поразил основные сферы бытия:

— *политическую*, где наблюдалась потеря управляемости на всех уровнях и во всех звеньях функционирования государства, острые столкновения, вплоть до вооруженных;

— *экономическую*, где получил распространение тотальный дефицит товаров и услуг, обесценились доходы населения, образовался огромный и быстрорастущий государственный долг — внутренний и внешний;

— *структурно-производственную*, где выявилась нехватка природных и трудовых запасов, обусловленная ресурсопоглощающей, «самоедской» структурой милитаризованной промышленности;

— *собственно социальную*, где произошла стремительная дезинтеграция общественных групп и институтов, утрата личностной идентификации с прежними социальными структурами, ценностями, нормами.

Другой, не менее значимой составляющей стал кризис культуры, или самих способов созидательного творчества, типов воспроизводства обществом своей функциональности. Им охвачены такие области:

— *духовно-нравственная*, где обнажился упадок общественных нравов в обстановке повседневной нужды и бесперспективности решения людьми все большего числа насущных проблем;

— *трудовая*, где мотивы высокопроизводительного и содержательного труда уступили ведущее место незаинтересованности в нем и низкой интенсивности, принципиальной позицией большинства стала трудовая пассивность, а инновационная деятельность на производстве лишилась престижа и поддержки;

— *экологическая*, где опасность уничтожения биологических условий жизни нависла над громадными и все увеличивающимися территориями;

— *этническая*, где подрыв объективной возможности для самобытного развития многих этносов, особенно малочисленных, привел к угрозе самому их существованию, во многом вследствие хищнической политики ведомств.

Две стороны кризиса — социальная и культурная, взаимодействуя, образовали специфическую форму, лишившую его внутреннего механизма саморазрешения, и потому он может быть охарактеризован как патологический. Сие обстоятельство и обусловило ускоряющееся разложение советского общественного организма на составные части, кружение в рамках общего коллапса, углублявшегося с каждым новым кругом.

В кризисной динамике последнего десятилетия правомерно выделить три стадии. Первая — резкая дестабилизация социального порядка, обнаружившаяся с середины 80-х. Ее отличали быстрая плюрализация ценностей населения, десоциализация личности, рост всеобщей напряженности, метания органов власти из крайности в крайность. В 1990 г. наступила вторая, остроконфликтная стадия. Коллизии в обществе, ставшем взрывоопасным, накалились до предела. Демонстрации и забастовки приобрели массовый характер. Межнациональные стычки перерастали в локальные войны. Август 1991 г. ознаменовал начало третьей, разрешающей стадии, которая привела к катастрофе СССР как единой державы. Лавинообразно нарастая, государственно-политический распад увенчался несколько месяцев спустя самоутверждением 15 бывших союзных республик в качестве независимых стран. Свершилось невероятное: совсем недавно могучая, но неспособная к кардинальным изменениям, моносистема перестала существовать.

Разрушение Союза породило множество трещин в общественном теле самой России — вертикальных (производственно-отраслевых, социально-профессиональных) и горизонтальных (этнических, областных и др.). Эти трещины столь многочисленны и опасны, что позволяют говорить о кризисе *интеграции* — одном из глубочайших за всю историю, в основании которого лежат отмеченная некогда В.О. Ключевским многовековая растрата сил русского и других народов страны на достижение величия своего международного положения за счет слабого внутреннего роста, низкого уровня духовных и материальных средств [5]. Теперь мы добавим: и за счет развития гражданского общества — свободы и ответственности индивидов, их прав и обязанностей, способностей и потребностей.

Переживаемый Россией кризис имеет еще одну существенную особенность, которая коренится в факте обвального распада СССР. Жизненно важные части геополитической протяженности на западе и юге оказались «ближним зарубежьем». Там остались миллионы русских и иных «русскоязычных», близких по культуре. А внутри сузившегося пространства крепнет националистический, номенклатурный, мафиозный и иной местный сепаратизм, стремящийся выйти из российской государственной юрисдикции. Он осложняется разрывом многогранных хозяйственно-экономических связей, вплоть до первичных, дезинтеграцией

социальных структур и институтов. Рушатся прежние надежные социальные ориентиры людей.

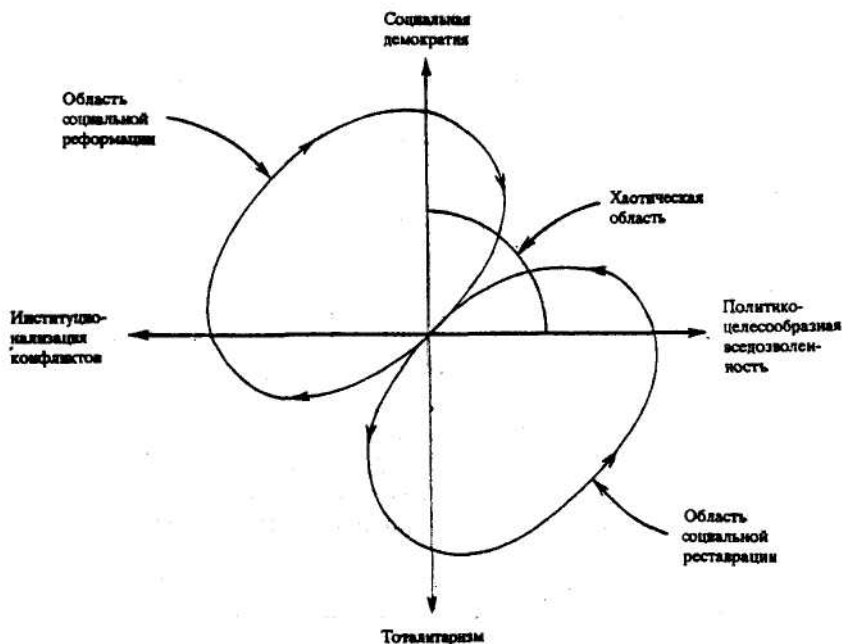
Для миллионов россиян возник вопрос: что такое сегодня Россия? Есть ли у меня большая Родина как нечто целое, как стабильная большая социальная общность, а не дырявое и постоянно сужающееся пространство? Кризис интеграции перерос в кризис *идентичности* сограждан как нравственных и политических субъектов.

В отличие от социокультурного кризиса СССР, сопровождавшегося лишь идеологическими и ограниченными политическими преобразованиями (границей последних предстала монополия КПСС на власть), кризис идентичности в России сопряжен с ходом радикальных реформ — демократизацией политической жизни и созданием рыночной экономики. Иными словами, наше нынешнее общество есть одновременно и кризисное, и реформируемое. Реформы воздействуют на кризис, но не так, как ожидалось — способствуют расширению и обострению одного, а не преодолению. Со своей стороны, тот негативно влияет на них, вызывает непредвиденные последствия. Короче, взаимодействуя, они искажают динамику друг друга, ведут к неожиданным результатам. Это свидетельствует о том, что пока не возник механизм саморазрешения кризиса, его патологический характер сохраняется.

Подобное состояние общества может быть достаточно корректно описано с позиций синергетики. По И. Пригожину, если система уходит далеко от равновесия и переступает порог устойчивости, она оказывается в хаотической области, для которой характерны множество точек бифуркации и сильные последствия слабых случайных флуктуаций [6]. В интерпретации С.П. Курдюмова это означает развитие через неустойчивость в режиме обострения, т.е. сверхбыстрого (асимптотического) нарастания процессов на основе нелинейной положительной обратной связи; при этом обнаруживается, что «неизбежный распад сложных быстроразвивающихся структур — одна из объективных закономерностей мироустройства» [7]. Как раз такое и произошло с СССР на последнем этапе универсального кризиса. Российская Федерация тоже охвачена хаосом и развивается «через неустойчивость в режиме обострения» ... к чему? К распаду, вслед за СССР? Или же к переструктурированию в более желательном индивидум направлении? Или какие бы то ни было прогнозы относительно будущего системы, терпящей бедствие, вообще невозможны?

Согласно мысли И. Пригожина, вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, а обилие разветвлений не позволяет проследивать отдельную траекторию системы и предсказывать детали ее движения во времени; возможно дать только статистическое описание. С.П. Курдюмов развивает идею иного рода: число ветвящихся дорог ограничено; да, случайность работает, и имеют место «блуждания по полю путей развития», но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей.

Конкретный, социально-политический и экономический (математики сказали бы — «физический») смысл описываемой синергетикой нелинейности того поля возможностей, в котором пребывает российское общество, можно представить в виде перекрестка постсоюзных путей (рисунок); примем в качестве вертикальной оси *альтернативу целей* — социальная демократия или восстановление тоталитаризма в какой-либо форме и в качестве горизонтальной оси *альтернативу средств* — конституционно-правомерные действия или политически-целесообразная вседозволенность. Полученное скрещение превращается на отечественной почве в перепутицу, когда разные дороги, сближаясь и отдаляясь, образуют своего рода циклы, а те — диагональную «восьмерку», или, если хотите, двойную петлю блужданий. Левый верхний цикл означает сферу социальной реформации (демократизации, гуманизации), правый же нижний цикл — сферу социальной реставрации.

Сопряженные циклы эволюции, или «восьмерка» блужданий постсоветской России

Правый нижний цикл этой «восьмерки» уже пройден в августовские дни 1991 г.: путч был попыткой отката назад, к тоталитаризму, вызвавшей крушение державной моносистемы и ее законов; сейчас общество опять оказалось в эпицентре хаотической области, у точки бифуркации: или перейти на орбиту левого верхнего цикла и двигаться дальше по стезе законности (институционализации конфликтов) и посредством ее — к социальной демократии, или вновь свалиться на орбиту правого нижнего цикла и воссоздать некую форму тоталитаризма с его циничной вседозволенностью.

Чем определяется выбор пути в точке бифуркации? Что здесь зависит от рядовых граждан, а что от власть предержащих? Коренные вопросы, от ответа на которые зависит степень понимания происходящего ныне в кризисно-реформируемой России.

Ценности как элемент стратегического выбора

Очевиден общий ответ на эти вопросы, если следовать традиционной для нашего менталитета схеме: стратегический выбор социальных путей определяется политическими и экономическими решениями парламента и правительства, находящими воплощение в радикальных реформах; нет, мол, ясности лишь в том, какие именно решения и реформы надобно принимать и осуществлять — из-за этого и вступают в ожесточенные споры политики, находящиеся у власти и оппонирующие им.

Допустим, что это так. Тогда почему парламентские законы, президентско-правительственные указы, постановления, программы реформ остаются непретворенными или приносят далеко не удовлетворяющие плоды? Говорят, вся беда в том, что в них отсутствует механизм реализации. Возможно, но отчего не предусматривается столь элементарное? К тому же известно немало государственных документов, содержащих целые разделы с описанием реализующего механизма, однако это отнюдь не способствует делу.

Наверное, соль в чем-то ином. Не в самих по себе решениях властей по

ключевым проблемам, а в не всегда понимаемых нами истоках совершающихся на наших глазах процессов. В тех «корешках», которые мы до сих пор считаем «вершками» общественной жизни. Чтобы нащупать их, важно поглубже вникнуть в общую структуру мотивов человеческого деяния.

Вслед за Максом Вебером, будем различать четыре вида таких мотивов: традиции, аффекты (эмоции), цели, ценности [8]. Они движут поведением людей не только сами по себе, но, с одной стороны, на совокупной базе потребностей, которые направляют действия на соответствующие объекты, и, с другой стороны, благодаря разнообразным поведенческим нормам (правилам, образцам, стереотипам). Интересы, при всей своей весомости, непосредственно определяют лишь целерациональные поступки. Ценности же служат фундаментом мотивации всех видов действий.

Итак, действиями человека в конечном счете управляют глубинные регуляторы — потребности и ценности, роль которых особенно велика в условиях универсального кризиса, в хаотической области динамики общества. В соответствии с синергетическим мировидением, хаос на микроуровне выступает необходимым элементом саморазвития системы, поскольку выводит на аттрактор, т.е. структуру, словно бы притягивающую систему к будущему, конструирующую его из наличного ее состояния. Функции структуры-аттрактора, на наш взгляд, и выполняются ценностями. Точнее, новым их построением, формирующимся в необычных по трудностям условиях.

Ценности как обобщенные значения (со знаком плюс или минус) объектов, как выражение фундаментальных норм, которые помогают осуществить выбор поведения в жизненно важных ситуациях, в том числе между целями рациональных действий, предстают социальными индикаторами качества жизни. А система ценностей, различающихся по предметному содержанию (духовные и материальные, экономические, социальные, политические и т.п.), по роли в жизнедеятельности индивида (терминальные и инструментальные), по функциональной направленности (интегрирующие и дифференцирующие), создает внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов, влияющую на их реализацию. Впрочем, эта важная исследовательская тема достаточно основательно раскрыта в научной литературе (см., например, [9,10]).

Выявлению социальных и духовных параметров кризиса общества было посвящено всероссийское исследование «Наши ценности сегодня»¹, подробно о целях, концепции, методах и результатах которого сказано в ряде публикаций [11, 12]. Здесь же хотелось бы напомнить, что в 1989 г. — а это был год между XIX партконференцией (1988) и XXVIII съездом КПСС (1990) — еще на полном ходу шла перестроечная риторика, и только немногие обществоведы поднимали вопрос о глубоком кризисе, поразившем общество. Мы исходили из гипотезы о его универсальности как следствии многостороннего, тотального отчуждения и преследовали задачу эмпирически зафиксировать важнейшие характеристики и постоянные величины. Учитывая разноплановость задачи и необходимость уложиться в сжатые сроки, решили сосредоточить основное внимание на уяснении состояния ценностей населения как той призмы, сквозь которую можно разглядеть существенные черты общественного упадка.

¹ Оно инициировано Научным советом Отделения философии и права АН СССР и по единой программе осуществлено в 1989—1991 гг. совместными усилиями Институтов философии и социологии, а также социологического факультета МГУ, при поддержке Российского общества социологов (РОС) и его отделений на местах. В исследовании участвовали: Н.И. Лапин (руководитель), Н.И. Андреев, Л.А. Беляева, Б.Г. Григорьев, Г.М. Денисовский, В.И. Добренское, А.В. Захаров, А.Г. Здравомыслов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, А.О. Крыштановский, М.А. Макаревич, И.Я. Миндлин, Н.Ф. Наумова, С.И. Рылева, С.В. Туманов, В.А. Ядов. Полевые работы выполнила группа преподавателей, аспирантов и студентов-старшекурсников.

Репрезентативная выборка, разработанная специалистами Института социологии, позволила ограничить исследуемый объект 12 регионами России, внутри которых взяты различные типы поселений, включая отдаленные малые деревни. В поселениях или микрорайонах методом случайной выборки (по спискам избирателей или домовым книгам) отобрано около 1 000 респондентов. Полученная фактура интерпретировалась как типичная, а общая ситуация по ряду индикаторов идентифицировалась с начальной, дестабилизационной стадией кризиса. Однако и тогда в некоторых регионах наблюдался переход ко второй, остроконфликтной стадии. Поэтому дополнительно в состав обследуемых объектов были включены три региона с высокой социально-политической напряженностью («горячие точки»), в которых по той же случайной выборке опрошено еще 450 человек. Так образовались два блока данных, проанализированных отдельно, что помогло выявить динамику изучаемых параметров по мере того, как кризис двигался от первой стадии ко второй.

Эмпирический материал был получен с помощью развернутого формализованного интервью по месту жительства опрошенных. Бланк интервью содержал свыше 200 вопросов, охватывавших пять основных граней исследуемого предмета: 1) субъекты и типы деятельности, осуществляемой населением; 2) отчуждение человека по семи измерениям; 3) важнейшие сферы универсального кризиса; 4) альтернативные ценностные суждения (22 пары); 5) желания и ожидания россиян по экономическим и социально-политическим аспектам жизни. Полевые работы проведены в июле и начале августа 1990 г. Первые исследовательские результаты доложены на съезде ССА и обсуждены на специальном «круглом столе» I съезда РОС. Анализ продолжался в течение 1991 г., а его выводы сообщались на различных конференциях и семинарах, в том числе международных. Но опубликованы они лишь частично. В настоящее время, при финансовом содействии Российского фонда фундаментальных исследований, осуществляется проект «Динамика ценностей населения реформируемой России», предполагающий повторное изучение той же проблемы по аналогичной методике на временном интервале в три года (1990—1993). Итоги обобщения четырех массивов данных будут опубликованы в виде монографии.

А пока — о результатах состоявшегося исследования. Ныне, ощутив на себе «шоковую терапию», многие россияне испытывают ностальгию по прежним временам, в том числе и непосредственно предшествовавшим обвальному росту цен. При этом из памяти как бы вымываются негативные оценки и настроения того периода. Между тем, уже в 1990 г. свыше 60% респондентов осознавали наличие кризиса экономики и всего общества. Симптоматично, что неудовлетворенность жизнью в целом достигала 55%, медицинским обслуживанием — 66%, доступностью товаров — 85%! Вдумаемся в эти цифры и станем чуть мудрее, не позволяя сегодняшней боли застить страдания из-за тотального дефицита в недавнем нашем зазеркалье. Воистину, как у Оруэлла: сейчас — есть товары, мало денег, тогда все наоборот — были деньги, не было товаров. Но мы все никак не «выкричимся» и не начнем нормально работать и жить. И руководством страны тогда тоже были очень недовольны: от 50 до 68% выражали недоверие основным институтам власти, 80 убедились в том, что преодоление их жизненных трудностей не зависит от них самих.

Как показало исследование, кризис системы ценностей проявился в утрате прежних целей, бытийных смыслов, нередко в перемене аксиологических знаков. Захватывая умы и психику миллионов людей, он унавоживает почву для резкого роста политического экстремизма, всплывающего на поверхность общественной жизни с помощью популистских лозунгов, для внезапного помрачения сознания целых этносов, поддавшихся соблазнам националистических амбиций, для формирования криминальных групп, стремящихся удовлетворить асоциальные инстинкты.

Вместе с тем, наблюдается еще одна его форма, состоящая в размывании былой идеологизированной целостности ценностных позиций населения («морально-политического единства всего народа») и возникновении на ее месте нормального для человеческого общества ценностного плюрализма. На первый взгляд, это еще один дезинтегрирующий фактор. Но по сути своей, в стратегическом аспекте, здесь заложено позитивное, конструктивное начало.

Внимательнее присмотримся к этому фактору. Плюрализация аксиопозиций означает возрастание дифференцирующей роли ценностей в кризисном обществе, углубление дезинтеграции. Утверждаются ценности общечеловеческого характера, которые опираются на принцип свободы и не приемлют идеологии тоталитаризма, выступают как оппозиционные. Их ядро составляют суждения: «Человек волен жить в этой стране, где ему больше нравится» (одобряет 51%, отрицают 22%); «Для человека прежде всего важна оценка своей личной жизни по собственным, индивидуальным критериям» (соответственно 45% и 10%); «Главное — инициатива, предприимчивость, поиск нового, готовность к риску оказываются в меньшинстве» (41% и 11%). В «горячих точках» социальной напряженности число респондентов, солидарных с приведенными суждениями, на 15% выше, чем в среднем по России. Следовательно, оппозиционные ценности уже несколько лет назад имели тенденцию стать достоянием большинства. За прошедшие годы она усилилась.

В 1990 г. были выявлены три дифференцирующие общество макропозиции. Среди них две одобряемые («за» высказалось больше, чем «против») — «потребительский конформизм» и «предприимчивый нонконформизм». Обе эти позиции достаточно укоренены. Они логически, по своему смыслу противостоят друг другу, но эмпирически, в сознании конкретных индивидов переплетаются, образуя иррациональный комплекс. Третья дифференцирующая макропозиция — «властолюбивый эгоизм» — активно отрицается большинством опрошенных (считают власть «несовместимой со спокойной совестью»), но существует для меньшинства, склонного «оказывать влияние на других, обладать властью».

Новая «демократическая номенклатура» своими ценностными представлениями и реальным поведением усугубляет традиционное отношение россиян к власти как антиценности. По данным исследования, основные ценности номенклатуры предстают как синдром «благожелательной деспотии»; тут весьма ценят личное здоровье и житье в довольстве, а также возможность своевольно наказывать кого-то, продемонстрировать самовластность. Неудивительно, что постановления нынешних властей зачастую далеки от чаяний населения. Именно в силу определенных ценностных ориентаций их творцов они либо откровенно направлены против интересов большинства, либо лишь декларативно провозглашают таковые.

Общественная жизнь бурлит страстями вокруг дилеммы «либерализм -тоталитаризм» («капитализм — социализм»). Но это дилемма безвозвратного прошлого, и страсти по ней бесплодны, они рожают только новых монстров конфронтации. Россия не должна пятиться ни к тоталитаризму, ни к либерализму в «чистом» (тоже пребывающем в прошлом) виде. И она уже двинулась вперед, к либеральному плюрализму: духовному, политическому, экономическому, социальному. Этот процесс можно охарактеризовать как *социокультурную реформу*, суть которой — изменение положения индивида в обществе как целостной системе. Индивид постепенно перестает быть исключительно объектом воздействия со стороны государства, становится субъектом в своих взаимоотношениях с властью, обретает большую свободу и индивидуализированную многомерность. Правда, происходит это весьма противоречиво, в беспрестанном одоления потуг неких сил вернуть прежний, тотально подчиняющий режим.

В целом общество, в котором мы живем, явно трансформируется из тоталитарной в плюральную систему. Такой плюрализм адекватен многомер-

ности самого человека как био-социо-культурного существа. Он соответствует общевелицизационной тенденции: моносистемная модель социума, детерминированного одним определяющим параметром (экономикой), уступает место полисистемной модели, допускающей паритетное воздействие нескольких параметров. Наблюдается взаимопроникновение различных жизненных укладов, неплохо фиксированное в теме предстоящего в 1994 г. XIII Всемирного социологического конгресса: «Пересекающиеся границы социальных структур и перестройка солидарностей». Это соответствует и давней российской идее соборности, но без ее христианского обрамления: соборность как такое соединение разнообразного, которое не сопровождается унификацией, а возвышает себя путем культивирования разнообразия — как по вертикали, так и по горизонтали (в том числе культивирование традиций различных этносов). Происходящая плюрализация порой воспринимается как распад общества. Очевидное заблуждение: через плюрализацию возникает новая интеграция — полисистемная, более сложная и тонкая, чем в моносистеме.

В настоящее время процессы плюрализации всего отчетливее проявляются и встречают противодействие в двух областях: государственно-властной и экономической. Ранее монолитная государственная власть дифференцирована на три ветви, друг друга ограничивающие, не позволяющие ни одной претендовать на ее полноту и тем лишающие себя возможности доминировать над индивидом. Одновременно они призваны взаимодействовать, обеспечивая целостность общества, его динамизм и гражданские свободы. Ныне этот процесс проходит крайне мучительно, законодательная и исполнительная власти подвержены соблазну усиливаться одна за счет другой и даже третьей (судебной). Отринув всякие попытки взаимодействия, они не в состоянии и избавиться друг от друга. Конец сложившейся политической аномалии могла бы положить досрочная смена властей. Однако апрельский референдум 1993 г. не создал юридического основания для этого. После референдума непосредственным объектом борьбы за власть стал проект нового Основного Закона страны — как его содержание, так и способы подготовки, обсуждения и принятия. Водораздел между позициями борющихся сил образует альтернатива: законность или практическая целесообразность. Если противоборствующие стороны удержатся в границах законности и Конституция Российской Федерации будет принята легитимным образом, то это станет важным шагом на пути институционализации демократии.

Разумеется, исходным пунктом властных отношений является экономика. Из тотально государственной она превращается в смешанную. Но этот факт осознается совершенно неадекватно: либо как малозначимый, либо как идеологически окрашенный и потому негативный (смесь, дескать, капитализма и социализма недопустима, неосуществима и т.п.). Между тем, уже с середины 60-х годов термин *mixed economy* широко применяется не только к развивающимся, но и к промышленно развитым странам с рыночной экономикой, в которых заметную роль играют государственная собственность и плановое регулирование хозяйствования. При этом речь идет не просто о сосуществовании разных форм собственности, а о необходимом их взаимодополнении ради совокупного эффекта. Политически смешанная экономика непосредственно коррелирует не с капитализмом или социализмом, а с демократией [13,14].

Для постсоюзной России с ее 90%-ной государственной собственностью закономерно движение к смешанной экономике, которая обеспечит гражданам желаемые условия трудовой деятельности: одни будут работать на государственных предприятиях или в учреждениях, другие — в частных фирмах, третьи станут самостоятельными, индивидуальными хозяевами. Разнообразие предпочтений — не кабинетная выдумка, а требование, диктуемое самой жизнью. Смысл экономической реформы стал бы гораздо понятнее населению, если ее последовательно вести под лозунгом формирования смешанной экономики, что

снизит остроту противостояния интересов, повысит гражданское согласие в коренном вопросе социально-экономических преобразований.

Гражданский лад в плюральном обществе возможен, когда он опирается на *консенсус ценностного сознания*, означающий, что определенная совокупность интеграционных ценностей как целое одобрительно воспринимается большинством населения. Вместе с тем, в нем могут быть представлены и менее распространенные в настоящее время ценности, включая оппозиционные, немало значимые для меньшинства и способные подчас обнаруживать тенденцию к повышению своего влияния, скажем, при обострении конфликтов. Последнее особенно существенно: реальность консенсуса в полной мере дает о себе знать не в стабильных, а в конфликтных ситуациях. Ценностный консенсус — не состояние безоговорочного согласия каждого со всеми (такое псевдосогласие достигается только тоталитарными средствами), но демократический, естественно растущий процесс толерантного отношения индивидов и социальных групп к одновременному существованию неоднородных, однако в принципе совместимых воззрений, допускающий объективированную критику любых мнений, освобождающий от идеологических наслений, социально-психологических стереотипов, националистических и прочих предрассудков.

Помимо трех дифференцирующих макропозиций, о которых речь шла выше, в исследовании «Наши ценности сегодня» была выявлена следующая интегрирующая макропозиция. Мы ее назвали «повседневный гуманизм», поскольку она вбирает такие общечеловеческие ценности как спокойная совесть, хорошие отношения, забота о детях и стариках и многие подобные — всего 19 ценностных суждений из 42-х предложенных респондентам. Это самая массовая и влиятельная аксиопозиция, консолидирующая будничное поведение людей, служащая серьезным аргументом в пользу того, что российский народ пройдет сквозь рифы тяжкого переходного периода, сохранив свою органичную целостность. При всем разнообразии входящих в него этносов, он располагает в качестве несущей опоры всемирно признанной культурой русского этноса, составляющего свыше 80% жителей Федерации. Эта культура не противостоит другим этническим культурам, а притягивает их, соединяя в неповторимый, многогранный и взаимообогащающий духовный симбиоз. Заметим, кстати, что национальная принадлежность опрошенных воздействовала на полученные нами ответы не более чем на 5%, что подтверждает определенную гомогенность социальных ориентаций в России, образующую фоновую предпосылку ценностного консенсуса россиян.

Конечно, это всего лишь предпосылка, а не сам консенсус, которому еще предстоит утвердиться. Но некоторый собственный его потенциал уже возникает. По результатам исследования можно выделить семь суждений, качественные и количественные характеристики которых позволяют отнести их к такому потенциалу. Приведем эти суждения, указав в скобках процент респондентов, разделявших каждое из них на различных стадиях кризиса — дестабилизационной и остроконфликтной. Тем самым мы получаем возможность судить о динамике распространенности соответствующих ценностей:

1. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами (77,9%—86,4%);
2. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни (64,3—71,0%);
3. Человеческая жизнь — высшая ценность, лишь закон может посягнуть на нее (60,2%—78,2%);
4. Свобода личности — то, без чего жизнь теряет смысл (58,8%—78,9%);
5. Очень важно быть готовым к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных политических взглядов, ориентаций (57,8%—74,1%);

6. Главное — инициатива, предприимчивость, поиск нового, готовность к риску оказаться в меньшинстве (41,2%—56,8%);

7. Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов, жизненных условий (37,0%—57,6%).

Четыре (№№ 2—5) из семи приведенных суждений отражают ценности, которые уже на первой стадии имели доминирующее влияние, а одно (№ 1) — общепринятую ценность (распространенность выше 70%). Однако два суждения (№№ 6,7) содержали ценности оппозиционные, что соответствует требованиям к структуре консенсуса. На второй, конфликтной стадии усилилось влияние всех перечисленных ценностей: оппозиционные стали доминирующими, а доминирующие — общепринятыми. Следовательно, по мере того, как кризис обострялся, возрастал консенсусный потенциал, обусловленный ценностями, представленными совокупностью суждений, выдержавших испытания жизнью.

Добавим, что эта небольшая совокупность выражает все виды ценностей по их значимости для индивида (витальные, интеракционистские, социализационные, смысложизненные) и две из трех одобряемых макропозиций («повседневный гуманизм» и «предприимчивый нонконформизм»). Но суждения третьей макропозиции («потребительский конформизм») пока не вписываются в потенциал консенсуса. Этот таит коварную опасность, поскольку с данной макропозицией связаны интересы значительных слоев населения и влиятельных политических сил, как бы остающихся вне консенсусного поля, к примеру — большей части новой номенклатуры. Возможно, оттого и не заметна ее активность в формировании общественного согласия, хотя деклараций по этому поводу делается предостаточно.

И вновь подчеркнем, процесс сей долгий и противоречивый. Исторический опыт свидетельствует о том, что его успех обеспечивается не конфронтационным «преодолением» одних ценностей другими, а разнообразием синтезов, взаимных дополнений, обогащений содержания позиций.

В заключение вернемся к выводу, которым Э. Дюркгейм завершил упоминающуюся в начале статьи книгу. Во второй, «рекомендательной» части этого социологического урока говорится:

«Что необходимо — так это прекратить аномию, найти средства заставить гармонически сотрудничать органы, которые еще сталкиваются в беспорядочных движениях, внести в их отношения больше справедливости, все более ослабляя источник зла — внешнее неравенство... Словом, наш первейший долг в настоящее время — создать себе нравственность. Такое дело невозможно осуществить посредством импровизации в тиши кабинета; оно может возникнуть только самопроизвольно, постепенно, под давлением внутренних причин, благодаря которым он становится необходимым. Рефлексия же может и должна послужить тому, чтобы наметить цель, которой надо достигнуть» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 379—380.
2. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экономика, 1992. С. 290.
3. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. 2. С. 218.
4. Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопр. философии. 1992. № 12.
5. Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 62.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса, М.: Прогресс, 1986. Гл. 5. С. 184—235.
7. Князева Е.Л., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 16.
8. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628—630.

9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. Ядова В.А. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Гл. III. С. 47—87.
10. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. Гл. 3. § 3. С. 129-135.
11. Ценности социальных групп и кризис общества / Отв. ред. Лапин Н.И. М.: ИФАН, 1991.
12. *Лапин Н.И.* Тяжкие годы России // Мир России. 1992. Афт 1. С. 5—37.
13. *Freeman J.R.* Democracy and maricets. The politics of mixed economics. Ithaca, London: Cornel University Press, 1988.
14. *Sachs I.* Towards democratic regulation of «mixed economise // Presented of the Eastern economies. Paris: Th. IRSES. Maison de sciences de l'Homme, 1990.